ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ВЫПУСК 28

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКИХ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ И МЕНТАЛИТЕТА В ФОРМАТЕ БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ

И.Ю. Николаева

Утрируя, можно сказать, что все российские модернизации, несмотря на очевидные, по прошествии исторического времени, приращения политической культуры, трансформации экономического и иного порядка, **в режиме «короткого времени»** обнаруживали то, что обыватель передает известной черномырдинской характеристикой («хотели как лучше, а получилось как всегда»[1]. Язык науки дает основания сформулировать некие общетипологические черты российских процессов модернизации. Фактически все ее этапы в той или иной степени сопровождались если не историческими срывами, откатами назад, то пробуксовкой реформирования, что делало неизбежными для сопровождающих кризисные эпохи периоды архаизации сознания и поведения людей. В историко-социологическом плане эта особенность российских процессов модернизации в самом общем виде объяснима через специфику модернизации «догоняющего типа». (Существующие теории модернизации, опирающиеся на серьезные наработки таких авторов, как Ю Хабермас, Ф. Бродель, П. Шоню, И. Валлерстайн, В. Раков, относят Россию к странам третьего эшелона или третьей европейской субсистемы, к так называемому типу догоняющей модернизации). Нелишне на-

[1] Примечательную картину умонастроений общества в наши дни нарисовал Ю Левада, анализируя отношение к перестройке в сравнительном разрезе, полагаясь на данные социологических опросов. Эта картина коррелирует с выдвинутым тезисом. С 1994 г. его Институт, проводя соответствующие исследования, в качестве одного из стержневых задавал вопрос: «Было бы лучше, если бы все в стране осталось, как до 1985 года?». Согласных с таким мнением в 1994 г. было 44 %, в 1999 – 58 %, в 2003 – 44 %. Не согласных соответственно 34, 27 и 35 %. В ходе опроса, проведенного в январе 2005 г., около половины опрошенных (48 % против 40 %) соглашались, что было бы лучше, если бы все в стране осталось, как было до начала перестройки. (*Левада Ю.А.* Неюбилейные размышления о перестройке // Общественные науки и современность.2005. № 6. С. 16). О том же говорят социологические опросы РАН 2003 г. Так, к примеру, все разновозрастные группы населения с недоверием относятся к моделям демократии в стране. (Подробнее см.: *Кириллова Н.Б.* Мифотворчество в медиакультуре // Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 162). Большинство экономистов признает, что нормальной рыночной экономики у нас нет. (См. об этом: *Кара Мурза С.Г.* Когерентность суждений // Доклады методологического семинара ФИАН. Вып. 4: Россия в условиях информационной глобализации. М., 2001. С. 9).

помнить, что этап ранней модернизации, соотносимый с началом Нового времени, органически связан с предшествующим ему периодом средневековой истории, и «вторичность» средневековой западноевропейской цивилизации, оформившейся как наследница цивилизации античного мира, имеет прямое отношение к характеру модернизации российской мир-системы. Подмечено, что ее особенности, рельефно проявившиеся на национальной почве, заключаются в том, что она, как правило, инициируется «сверху», при слабой зрелости эндогенных факторов, и складывается из порой импульсивных, социально хаотичных процессов, несущих большой заряд иррациональности.

Эти особенности, будучи порождены системой факторов макроисторического порядка, отражают и специфику национальной идентичности. Не случайно одну из причин реактуализации харизматического образа Сталина в нынешнем, казалось бы, политически модернизированном пространстве С. Юрский видит в факторах ментального порядка. Указывая, в частности, на следующее: «…отсутствие ясной мысли, следование чувству. А чувства у нас большей частью смутные, неопределенные. Мы слишком часто действуем эмоционально. Ясной логикой, которой наделен, к примеру, галльский ум, мы не богаты»[2]. Сложности исследования проблемы специфики национального идентитета (отметим прежде всего уязвимость этого концепта вне учета кроссисторических и временных различий, составляющих его сегментов) может быть отчасти сняты прослеживанием неких повторяющихся устойчивых установок сознания и поведения основных агентов социального поля (термин П. Бурдье) **в режиме большого времени**. Нам уже не раз доводилось писать о том, что это своеобразие имеет глубокие корни, уводящие нас в далекое средневековое прошлое[3]. С. Юрский афористично выразил важнейшую закономерность функционирования нашего сознания, заключающуюся в том, что оно, в сравнении с западным, в общем и целом гораздо медленнее нарабатывало рациональный инструментарий мышления, медленнее высвобождалось из плена эмоционально-аффективных реакций и способов реагирования на действительность. Безусловно меняющийся алгоритм функционирования нашего сознания, приращение рационально-интеллектуального инструментария мышления, ускорившееся вместе с развивающимся в экспонентном темпе ис-

---

[2] Кому снова нужен Сталин? // Аргументы и факты. 2005. № 1–2. С. 3. Примечательный срез подобного рода мифологизации образа Сталина представляет показанный на НТВ сериал «Сталин. Live».

[3] *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005. Гл III; *Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю.* История, память и миф в перспективе долгого времени // Новая и новейшая история. 2007. № 2.

торической динамики, пока не изменило радикально общую картину в сравнительном плане. Поэтому не случайно, анализируя причины пробуксовки реформирования на современном этапе, известный российский экономист, сравнивая восточноевропейские страны и нашу страну, отмечает отсутствие ясно артикулируемых целей реформирования, что самым явственным образом сказывается и на ходе реформ[4].

Отмеченные черты особенно рельефно проявились и в том, что многие этапы модернизации сопровождались ростом социально-психологической напряженности, выражавшейся в поиске «козла отпущения» (будь то группа, отдельное лицо, община или город), что выливалось в жестокие эксцессы национального масштаба. Особенно рельефно инвариантная повторяемость этих типологических черт русских модернизационных процессов прослеживается в своеобразном социально-психологическом параллелизме явлений опричнины со сталинскими процессами. Раскрытые «заговоры» бояр, массовые казни вызвавших подозрение или неугодных лиц (чего только стоит знаменитое «московское дело», когда было арестовано вместе с Иваном Михайловичем Висковатым 300 человек, в том числе почти все главные дьяки московских приказов), перекликаются со стилистикой знаменитых процессов 30-х гг. XX в., с характерной для них атмосферой страха, доносительства, процветавших в условиях произвола власти и широкого разлитого насилия. Разгром Новгорода опричным войском также имеет историко-психологические параллели в XX в. – к примеру, знаменитое «ленинградское дело».

В России, где гораздо дольше сохранялся в качестве господствующего традиционный уклад, со свойственной ему жесткой ригидной структурой сознания, мыслящего оппозициями «свои – чужие», «черное – белое» (отсюда расхожее – «мы народ крайностей»[5]), эта неосознаваемая готовность к поиску козла отпущения оказалась более укорененной и менее изживаемой, чем в странах Запада, что обусловило масштаб национальных катастроф. Не удивительно, что и в нынешнем постперестроечном пространстве эта готовность нередко, хоть и в смягченном виде, дает о себе знать. Знаковый пример – судьба компании «Юкос» и М. Ходорковского (при всей неоднозначности оценки лица компании и его главы нельзя не признать, что М. Ходорковский был первым рос-

---

[4] *Авраамова Е.М.* Воспроизводство адаптационных практик в период российской трансформации // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 7.

[5] Опять-таки неслучайно известный философ В. Межуев в одном из своих выступлений обозначил эту черту примерно следующим образом: мы, русские, если ищем истину, то до такой крайности, что живем во лжи, если ищем доброту, то опять-таки, впадая в крайность, получаем полную противоположность – живем во зле и т.д.

сийским олигархом, осознавшим и сделавшим конкретные шаги на пути обретения крупным бизнесом поведения и имиджа социальной ответственности). Очень точно данный срез сознания на нынешнем этапе схвачен в высказывании Б. Ноткина: «…широкие массы крайне негативно, что отчасти справедливо, относятся к тем, кто завладел собственностью в результате ваучерной приватизации. Всех успешных предпринимателей народ поголовно воспринимает как коррупционеров, жуликов и проходимцев»[6]. О том же говорят данные социологических опросов. Характерно, что на процесс по делу Ходорковского и суровый приговор, вынесенный ему и П. Лебедеву, общество отреагировало соответствующим образом. По данным ВЦИОМ, в июне 2005 г. 32 % опрошенных ответили, что приговор этим лицам соответствует содеянному, 28 % считало, что он слишком мягкий (!), 7 % – что что они виновны, но приговор слишком суров, и 4 % полагало, что их не за что судить[7]. Эти неосознаваемые стереотипы, оформляющие образ негативной идентичности олигарха в сознании определенных групп и страт общества (прежде всего, обездоленных, не имеющих надежной или сносно оплачиваемой работы его членов), блокируют во многом возможности конструктивного диалога предпринимательской элиты и народа (хотя едва ли не решающую роль в конкретном деле Ходорковского, безусловно, сыграли политико-психологические причины). Тем самым сужаются перспективы укрепления демократически-правовой традиции и создания новых рабочих мест. Иными словами, устойчивость идентификаций народной среды, слабо ангажированной социально-конструктивной и хорошо оплачиваемой деятельностью, является фактором, препятствующим реализации ее актуальных экономических интересов. Этот, как говорят психологи, когнитивный диссонанс – противоречие между коренными потребностями и интересами и инерцией стереотипов – существенным образом влияет на слабую инициируемость модернизации снизу.

Еще одна характерная особенность менталитета заключается в устойчивой регенерируемости определенного психосоциального авторитарного комплекса в отношении власти. Уходящий своими корнями в глубокую архаику, этот комплекс заключается во взаимосвязи внешне противоречащих друг другу чувств: с одной стороны, ощущении бессилия перед властью, страха перед ней, с другой – безоговорочного принятия ее авторитета как непререкаемого и гипертрофированного восхищения ее силой. На деле второе, как доказал Э. Фромм, по своей приро-

---

[6] *Ноткин Б.* Рейтинг – лукавство! // Аргументы и факты. 2006. № 47. С. 28

[7] *Зарубина Н.Н.* Смеховая культура как фактор толерантности к новым социальным группам в российском обществе (анализ анекдотов о новых русских) // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 165.

де компенсаторно в отношении первого. Следует особо оговорить, что чем традиционнее общество, чем меньшим рациональным ресурсом оно обладает, тем сильнее выражен данный комплекс в структуре его ментальности. В мутированной форме этот бессознательный комплекс скажется в феномене «страха-любви» к Сталину широких слоев, что обусловит поддержку проводимому вождем курсу, в частности, тем партийным чисткам и сфабрикованным делам в отношении многочисленных врагов народа, в которых нашли свое выражение теневые стороны российской модернизации. Казалось бы, годы перестройки с ее политикой гласности и курсом на демократизацию радикально изменили ситуацию. Однако и на нынешнем витке выстраивания центром властной вертикали мы видим симптомы регенерации этого комплекса, причем порой даже в той среде, идентичность которой в силу целого ряда факторов должна была бы быть относительно свободной от него. Симптоматично поведение на президентском приеме по поводу вручения высоких наград видным деятелям культуры (22.12.2006). Цитируем известного сатирика (Г. Хазанова): «И вот став евреем преклонных лет, но будучи русским по сути, судьбе благодарен за то, что награду вручает мне…Догадайтесь, кто? – и зал хором выдохнул, как на детском утреннике: «Пу-у-у-тин»[8]. В то же время специфика нынешнего этапа заключается в том, что современное культурное сознание обнаруживает и признаки осознания этой ментальной составляющей национальной исторической картины. Сошлемся на мнение известного артиста: наш народ «терпеть не может власть – вообще всякую. И при этом безумно подобострастен. У тебя хата развалилась, корова сдохла, муж пьяница, а приедет президент: «Ой, да у нас все спасибочки, всем довольны, чего и Вам желаем» (кстати, здесь же дается характеристика, прямо-таки перекликающаяся с расшифровкой фроммовской формулы и приведенным мнением С. Юрского: «Русский народ в глубинке – одна душа, а не интеллект»)[9].

Сказанное отнюдь не противоречит тому, что 80 % населения страны, согласно социологическим опросам, не верит власти. Почему? И здесь вырисовывается исторический комплекс повторяющихся ментальных и поведенческих стереотипов, обусловленных самой исторической логиков развития России как страны, где процессы модернизации развивались «вдогонку» европейским. Общеизвестно, что одним из мощнейших факторов торможения модернизационных процессов в России и ученые, и общественное мнение называют поведение бюрократической правящей элиты. Идентичность российской бюрократии несет на себе родовое пятно своего происхождения и развития. Она вовсе не

[8] Комсомольская правда. 2005. 23 дек. С. 2.
[9] Аргументы и факты. 2006. № 29. С. 7.

столь многочисленна, как, например, в США. Ее негативная роль заключается даже не в объеме ее власти. Хотя и сегодня актуально то, что некогда сказал Николай II: «Россией правят столоначальники». Дело в том, что она неэффективна и коррумпирована значительно сильнее, чем на Западе. Возникшая в объективных условиях усложнения структуры управления в период перехода традиционного общества к обществу современному (со всеми оговорками относительно его специфики), русская бюрократия в гораздо меньшей степени, чем на Западе, испытала на себе благотворность вливания свежих сил из слоев, связанных с делом (бизнесом), в силу его неразвитости[10]. Само происхождение российской бюрократии обусловливает то, что смысл ее деятельности определяется законом самосохранения, а ценностные ориентации очень слабо опосредуются характером потребностей тех социальных групп, которые связаны с самой жизнью общества и экономики. При этом ориентация на потребительский стандарт западного образца, во многом обусловленная именно тем, что Европа опередила Россию на культурно-технологическом уровне, определяет характер избыточно-чрезмерного стремления к роскоши, что накладывает отпечаток на масштабы ее коррумпированности. Символичен, к примеру, скандальный формат обсуждения дела с воровством в квартире вице-спикера Госдумы Л. Слиски в ноябре 2006 г., недвусмысленно выявивший природу баснословно дорогих подарков, якобы полученных ею от разных лиц[11]. Или же разразившийся в том же месяце другой более крупный политический скандал, обернувшийся возбуждением уголовного дела против практически всего руководства Федерального фонда обязательного медицинского стра-

---

[10] Сказанное отнюдь не отменяет сложностей процесса гражданского оцивилизовывания бюрократической элиты Запада. Вспыхивающие время от времени скандалы – тому явственное подтверждение. Однако факторы системного порядка – раннее оформление бюргерского слоя с его экономико-политическими и ментальными свободами, из которого в основном рекрутировались «люди стола», постепенная ассимиляция этим слоем представителей нового дворянства и пр. факторы делали это. Корни опять-таки в Средневековье. Достаточно привести такой пример. Уже Людовик Святой, правивший во Франции XIII в., издал по возвращении из крестового похода в декабре 1254 г. Великий ордонанс, согласно которому королевские чиновники должны были вершить суд невзирая на лица, не принимая никаких подарков. На территории, где они осуществляли свои функции, им было запрещено приобретать недвижимость, женить своих детей и т.д. (Подробнее см.: *Ле Гофф Ж.* Людовик Святой. М., 2001. С. 170–171). И хотя этот ордонанс, разумеется, не искоренил ни коррупцию, ни воровство, он был одним из тех знаковых явлений микроисторического порядка, из которых в виде накапливаемых в режиме большого времени мутаций и складывалась западная традиция контроля за бюрократией.

[11] Попытки самой Слиски конвертировать эпизод с воровством в дело с политической подоплекой, аргументируя тем, что ее якобы «заказали» политические противники, возможно, и не безосновательные, однако они не снимают проблемы цены и количества пропавших денег и вещей.

хования, когда за решеткой оказались глава фонда Андрей Таранов, три его заместителя, главный бухгалтер, начальники контрольно-ревизионного и финансового управлений. О размахе их «деятельности» свидетельствует уже тот факт, что лишь во время обысков в служебных кабинетах и на квартирах подозреваемых оперативники нашли денег и ценностей почти на $7 миллионов[12]. Масштабы воровства и коррупции достигли столь беспрецедентных размеров, что министр внутренних дел Р. Нургалиев и Генпрокурор Ю. Чайка, выступая в Госдуме, как сообщила «Комсомолка», «потрясли» депутатов двумя тезисами. 1. Коррупция пронзила страну с самого низа до самого верха (мы еще вернемся к этому вопросу). 2. Основную массу осужденных составляют работники правоохранительных органов (при этом автор колонки «Люди, которые нас удивили» в духе присущих этой колонке комментариев съерничал: «Интересно, засчитают это как явку с повинной?»)[13]. Если к сказанному добавить, что наличие такого мощного финансового источника решения текущих государственных проблем, как нефть и газ, не стимулирует правящую элиту к поиску эффективных стратегических программ развития, то можно понять, как отмеченный комплекс факторов предельно акцентирует такие модальные черты ментальности этого слоя, как леность, жадность, равнодушие, лживость, склонность к воровству. Опять-таки подчеркнем, что, явственно прослеживаемые в ментальности и поведении нынешней бюрократии, эти черты проявляются в разные эпохи модернизационных процессов.

Можно проиллюстрировать это на знаково схожих сюжетах, запечатленных в менталитете общества, что отражает стилистика смехового дискурса. Анекдот о Петре I и Меншикове (подготовив указ против воровства, царь поделился с приближенным – кто украдет что дороже веревки, быть тому повешенным. На что Меншиков ответил: «Мин херц, останешься без единого подданного») находит прозрачную параллель в приписываемом Лужкову ответе на вопрос, почему он не носит шапки: «Так горит же», – не без юмора ответил мэр. В этом контексте отчасти проясняется та высокая степень недоверия к власти, государству, которую отмечают многие эксперты, определяя, к примеру, отношение общества к государственной власти как к «недобросовестному игроку на финансовом поле, азартному и порой склонному к шулерству»[14].

Лишь внешне парадоксальным при этом выглядит то обстоятельство, что склонность к воровству, зачастую вызывающая негодующую

---

[12] Комсомольская правда. 2006. 30 нояб. С. 2.

[13] Там же.

[14] *Авраамова Е.М.* Воспроизводство адаптационных практик в период российской трансформации // Там же. С. 6–7.

реакцию общества на главного агента этого действа, имеющего доступ к национальным ресурсам и доходам, оказывается присущей и тем социальным группам, которые принято обобщенно именовать термином «народ». Обозначая эту ментальную составляющую, автор рискует быть обвиненным во множестве тяжких научных и ненаучных грехов. При всем неприятии концепции М. Веллера нельзя не согласиться с ним, что всякие попытки строить разговор на эту тему в нелицеприятном для национального чувства ключе оборачиваются по меньшей мере обвинениями в неполиткорректности или непатриотизме[15], к каковым могут быть добавлены голоса профессионалов, которые приведут множество совершенно конкретных и справедливых примеров, свидетельствующих о жертвенности русского народа, о готовности поделиться последним и т.п. Профессиональное сознание также находится в плену неких стереотипов, присущих сознанию обыденному. Понятие «народ» – это своего рода священная корова для людей нашей профессии. С одной стороны, автоматизмы идеологического свойства, восходящие к марксистской традиции, с другой стороны, механизмы идентификации, а соответственно, психологической защиты и вытеснения неприятной информации не дают рассматривать проблему незашоренным взглядом. Между тем нынешнее время как никогда создало условия для такого рассмотрения. В условиях перестроечного и постперестроечного кризиса, вызвавшего наряду с противоположной тенденцией и тенденцию архаизации сознания и поведения широких слоев общества, склонность к воровству, слабость ценностных установок, связанных с трудом и честной наживой, оказались присущими не только элите, хотя мотивы и размеры этих поведенческих модусов со стороны тех, кого принято относить к категории народ, и элиты, безусловно, существенно разнятся.

Важно подчеркнуть, что эти явления, актуализировавшиеся начиная с перестройки, нельзя понять вне контекста большого времени. Специфика формирования государства, обладавшего мощнейшими ресурсами выкачивания прибавочного продукта, медленное наращивание политико-правовой культуры, вкупе с тем, что в национальном менталитете ценности честной наживы укоренялись исторически труднее и медленнее в сравнении с западными странами, сформировали порой добродушно-терпеливое, а порой насмешливо-ироничное отношение к воровству, если оно касалось государства. Знаменитое Жванецкого «Что охраняем, то и имеем», относящееся к советской эпохе, имеет куда как более глубокие корни, чем эпоха социализма с ее издержками распределения. Один из глубинных архетипов этого ментального склада обозна-

[15] *Веллер М.* Великий последний шанс. СПб., 2006. С. 191.

чен старинной поговоркой: «Трудом праведным не поставишь палат каменных», имеющей двоякий смысл. Этот архетип находится в прямой связи с другим – леностью. Еще Н.В. Гоголь говорил о лени как главном враге России, а Н. Бухарин называл русский народ «нацией Обломовых». Как нельзя верно схватывает этот метальный срез «Сказка про Золотую рыбку», комментирует ситуацию известный артист, которая, по его мнению, точно отражает специфику национального менталитета[16]. Можно продолжить поиск параллелей этому комплексу и найти немало примеров, его иллюстрирующих, – и образ Иванушки-дурака, чудесным образом обретающего полцарства, и образы Манилова, и Обломова, и Стивы Облонского и пр.

Этот срез ментальности явно нуждается в историко-психологической расшифровке, которую невозможно осуществить, минуя сферу длительных мутаций бессознательного, закрепивших в ментальном складе устойчивость отмеченных установок. Для этого придется обратиться к истокам становления homo faber. Реконструкция обретет сколько-нибудь убедительный формат лишь при условии сопоставления с западноевропейским вариантом становления человека трудящегося. На заре становления средневекового общества, когда варвар был по своей природе универсален – homo faber и homo militus были органично спаяны в его идентичности, – ценность труда отнюдь не являлась доминирующей в его ментальности. Захват добычи – дело более легкое и предпочтительное в глазах нашего предка, нежели кропотливый и порой изнуряющий труд. Западное Средневековье оставило немало тому исторических свидетельств. Достаточно вспомнить хрестоматийное описание быта германцев Тацитом: «…гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, – леность и малодушие»[17]. После вынужденного оседания варваров на земле их образ жизни определил смену деятельности – он был вынужден трудиться. Но на уровне неосознаваемого весь комплекс базовых ценностей оставался прежним (на языке психологии это называется силой фиксированных установок). Отсюда и низкая оценка труда в глазах других сословий, и такая же самооценка труда в глазах самого простолюдина, что находило соответствующее выражение в религиозном языке эпохи. Труд рассматривался как наказание за грехи, те, кто вынуждены были работать, считались потомками Хама, в то время как воюющие, рыцари – Яфета (не случаен и в грече-

---

[16] Аргументы и факты. 2006. № 29. С. 7.

[17] *Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит: В 2 т. М., 1993. Т. 1. Гл. 14. С. 359–360.

ской мифологии образ Сизифа, который все время вкатывает на горную вершину камень, чтобы тот тут же скатился вниз. Такой образ мог возникнуть только в той культурной среде, которая воспринимала, как справедливо отмечал А.Я. Гуревич, труд как муку и наказание[18]). Неслучайно и то, что на той исторической стадии нетрудовое, но чудесным образом обретенное богатство также являлось устойчивой ценностной мифологемой западного сознания, как и средневекового русского. Достаточно сравнить имевшие широкое хождение в странах Западной Европы представления о сказочной стране Кокань, где текут молочные реки с кисельными берегами, растут невообразимо огромные булки, с хорошо известными по фольклору русскими мифологемами, чтобы убедиться в этом. Но в силу целого ряда историко-культурных факторов, к числу которых в качестве системообразующего относится вторичность западной цивилизации, процесс обретения трудовых навыков, торгового дела, соответственно обогащения представителей тех социальных страт из простонародья (наряду с частью втянутого в эти реалии нового дворянства), которые были связаны с ними, набирал более динамичные обороты, чем на Руси. Что и создало почву для постепенного накопления новых ценностных установок, связанных с трудом и честной наживой. Именно появление более или менее **состоятельных представителей** homo faber заложило фундамент под изменение их идентичности, трансформировало их самооценку и отношение к труду. Далеко не случайно в современном сознании закрепился стереотип о немецком трудолюбии. Именно в германском историко-культурном ландшафте впервые обнаруживаются тексты, свидетельствующие о появлении отмеченных мутаций. Например, такая поэма, как «Майер Гельмбрехт» Вернера Садовника (XIII в.), где со свойственной национальному дискурсу дидактичностью утверждается максима значимости труда. Не случайно и выявленное А.Я. Гуревичем близкое сходство звучащей в этой поэме темы труда и той аранжировки, которую она получила в проповедях одного из самых популярных авторитетов простонародной аудитории южнонемецких городов Бертольда Регенсбургского[19]. Безусловно, процесс этот был длительным, и на уровне единой нефиксированной установки прежние ценности – получения материальных благ любым нетрудовым способом – сохраняли свою силу (инерция глубинных варварских установок настолько сильна, что в современном массовом сознании не только России, но и благополучного Запада живучи мечты о чу-

---

[18] *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.,1984. С. 33.

[19] См. об этом подробнее: *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации истории в свете современных концепций бессознательного: Дисс. … д-ра ист. наук. Томск, 2006.

дом обретаемом богатстве, будь то крупный выигрыш в лотерее, получение наследства, случайное счастливое знакомство с женихом-миллионером или какой-либо другой способ сказочного обогащения).

В России процесс изживания указанных архаических установок в отношении труда и нарабатывания новых ценностных ориентаций тоже шел – вспомним: «Без труда не вынешь и рыбку из пруда». Однако весь комплекс перечисленных ранее социокультурных факторов, особенности климато-географического среды, наличие государства, более масштабно, чем на Западе, выжимавшего основной прибавочный продукт, медленное нарабатывание инновационных технологий хозяйствования препятствовали закреплению в ментальном коде народа установок, мотивировавших личность к свободному творческому характеру деятельности. Неудивительно, что труд по-прежнему воспринимается большей частью населения как тягота, причем не приносящая материального удовлетворения. Поэтому сознание идентичности достаточно широких слоев ангажировано иждивенческими настроениями. Любопытно, что язык отражает специфику этого менталитета. В частности, это зафиксировано в поговорках, до сих пор бытующих в разных социальных средах: «Работа не волк, в лес не убежит», «От работы кони дохнут», – аналогов которым не встретишь в обыденном дискурсе Запада. Следы данного ментального комплекса можно обнаружить во множестве сколков того, что выявляет характер сегодняшних экономических процессов – начиная от объемов контрафактной продукции, заканчивая низкой производительностью труда.

Опять-таки оговоримся, процесс этот нелинейный, если рассматривать его в историко-философской перспективе и ретроспективе, то можно говорить, что основной вектор развития, в том числе и в России, лежит в плоскости приращения ценностей труда и честной наживы. Однако в периоды социальных сбоев, кризисов модернизации происходит не только регрессия к прежней системе ценностей, но и деформация наработанных. Примечательную параллель в этом смысле являет история Испании второй половины XVI в., где девальвация ценностей труда, стремление к легкой наживе, воровство и сопутствующие им выражения архаизации сознания и поведения просятся быть соотнесенными с нынешней ситуацией в нашем обществе[20].

Еще один из блокирующих процесс трансформации общества факторов, обусловленный опять-таки тем, что российская модель модернизации относится к догоняющему типу, связан с устойчивой негативной национальной самоидентификацией. Уже многие российские историо-

[20] Подробнее см.: *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза… Гл. V.

софы начала XX в. говорили о самоедстве как национальной черте, а нынешние авторы определяют его как «некоторый комплекс национальной неполноценности». Ориентация на западную модель, начиная от политических проектов (особенно прозрачно прослеживаемая в либеральном проекте перестроечного времени), заканчивая предпочтениями повседневно-бытового характера, столь же органична русской ментальности, как и ее прямо противоположный, условно говоря, славянофильский полюс. Марк Эймс не одинок, когда утверждает: «У русских есть свой миф – они часто идеализируют иностранцев»[21]. Оговоримся, что этот комплекс представлений на наших глазах начинает достаточно зримо ревизоваться, высмеиваясь в анекдотах, выступлениях пародистов. Об эрозии этих некогда устойчивых ментальных ориентаций свидетельствует и статистика, говорящая о том, что отечественный потребитель теперь чаще подходит рационально к выбору необходимого ему продукта, нередко отдавая предпочтение российскому. Тем не менее вплоть до недавнего времени он нес в себе существенно важный элемент торможения, связанный со стереотипом «западное – значит лучшее».

Очертив, пусть абрисно, некоторые характерные черты национального идентитета, проявившиеся в специфике российских процессов модернизации, подчеркнем, что природа его исторически вариативна во времени, и, разумеется, говорить о нем следует как о системе взаимосвязанных пересекающихся «сеток» культурно-психологических установок разных социальных слоев, которые могут приходить в противоречие друг с другом и меняться в ответ на вызов среды[22]. **В этом смысле сегодняшняя Россия находится в важнейшей как для нее самой, так и для цивилизации в целом точке бифуркации, которая, как представляется, выявляет, с одной стороны, мощнейший груз торможения процессов модернизации, с другой – намечающиеся векторы прорывов в принципиально новое пространство исторической жизни общества. Думается, что это именно тот момент, когда начинают вырисовываться в стиле штирх-кода те тренды-мутации национального идентитета, которые существенным образом отредактируют исторический сценарий современной российской модернизации как модернизации догоняющего типа.**

Именно в этом контексте сошлюсь на прогноз, сделанный несколько лет тому назад Артуром Кларком, известным своими точными предсказаниями (если говорить о нашей истории, то именно он предсказал «Чернобыль» и «Афганистан»), который на вопрос журналистов, где следует ожидать нового экономического чуда, назвал в качестве исто-

---

[21] Комсомольская правда. 2006. 21 нояб. С. 7.

[22] См. об этом: История ментальностей, историческая антропология. М., 1996. С. 59.

рической площадки, подчеркну, Россию, а не Китай. Аналитики-профессионалы полагают, что к 2050 г. Россия войдет в четверку государств, наряду с Бразилией, Индией и Китаем, по удельному валовому продукту, то есть в переводе на обыденный язык по качеству жизни[23]. Если рассматривать этот процесс в масштабе макроисторических теорий, то можно будет перевести разговор в плоскость макросоциальной подоплеки прогнозируемого «российского чуда». Исторически повсеместно прорывы в становлении нового типа общества имели место там и тогда, где закономерно складывались предпосылки для оптимального синтеза двух начал – огрубляя, индивидуального, личностного и общественного, государственно-корпоративного, **где складывались условия для наработки диалога разных социальных групп и страт общества**. Именно поэтому в средневековую эпоху, классическая форма феодального общества сложилась во Франции, где варварскому обществу франков была сделана мощная прививка индивидуального начала благодаря оптимальным условиям синтеза галлоримского и франкского укладов, именно поэтому в ранее Новое время Англия, втянутая благодаря континентальным завоеваниям со стороны Франции в гольфстрим этих практик, оказалась наряду с ней в числе стран так называемого центра раннеевропейской модернизации, именно поэтому уже в более позднее время в скандинавских странах оформится феномен «народного капитализма», которому завидовали страны так называемого социалистического лагеря.

Сейчас мы имеем возможность наблюдать результаты самой мощной за все предшествующие периоды истории и модернизации прививки индивидуализма, в самой своей чрезмерности породившей отторжение большей части российского общества. Потребуется время, чтобы сработали жернова истории и общество вышло из ситуации отката в пространство исторического созидания принципиально новой формы социальности. Но, как отмечают многие исследователи, ситуация отката не имеет на нынешнем этапе того масштаба, что на прежних этапах. Именно потому можно с оговорками относительно российской наполненности протекания процессов согласиться с мнением А. Чубайса относительно того, что потребовало в Америке 150 лет с чикагскими «неприкасаемыми», нью-йоркской мафией, Великой депрессией 30-х и выходом из нее, в России – вместе с «новым русским» на шестисотом «Мерседесе», дефолтом 98-го и выходом из него – заняло 15 лет»[24].

---

[23] Комсомольская правда. 2006. 23–30 нояб. С. 5.
[24] Комсомольская правда. 2006. 23–30 нояб. С. 5.

И тем не менее нынешний рядовой россиянин в массе своей вряд ли поверит такому прогнозу[25]. С одной стороны, сказываются стереотипы восприятия, с другой стороны, слишком сложен и насыщен черными красками исторический пейзаж настоящего. Здесь необходимо существенное уточнение. Точка бифуркации, которую сейчас проходит наше общество, чрезвычайно болезненна. Дело в том, что нынешняя ситуация относится к тем кризисным, что несут на себе печать процессов архаизации жизни[26]. Общество сегодня больно нравственно-психологической болезнью, которая, по выражению А. Германа, как социальная проказа с головы до пят изъела его[27]. Не случайно Е. Миронов в одном из интервью на вопрос о том, каковы черты «героя нашего времени», ответил: «Мне трудно сказать что-либо определенное, но одно я знаю – у героя нашего времени нет совести». Пафос кричащих болью и одновременно пронзительно точных аналитических характеристик, которые дает В. Костиков едва ли не в каждом номере «Аргументов и фактов», по смыслу тождествен взгляду со стороны. Сошлемся хотя бы на мнение одного из лидеров сегодняшней венгерской оппозиции, сравнивающего духовную атмосферу в его стране и России: «Мы страна без последствий (как и ваша Россия). Лгите, крадите, убивайте и хвастайтесь этим, и вы станете героем»[28].

Но именно острота социально-нравственных конфликтов, тот факт, что общество практически достигло дна социальной ямы, породили ту мутацию, своеобразный ментальный срез которой символично отражает, скажем, интервью известного режиссера П. Лунгина. Говоря о том, что мы сейчас «находимся в какой-то глубокой общемировой впадине», он напоминает, что мир развивается по синусоиде. В моменты гигантских тупиков, как в период кризиса Римской империи, с ее, казалось бы, всеохватывающим процессом разложения (вспомним Тойнби), в момент, казалось бы, гигантского тупика, когда, казалось бы, ему некуда развиваться, в его недрах вершилась созидательная работа, связанная с духовным прорывом – рождением христианства. И сейчас мы переживаем в чем-то схожий процесс. **Тупик заключается в том, что мир превратился, по словам режиссера, в сплошной рынок** (в свое время

---

[25] Таков, в частности, вывод нынешнего руководителя «Левада-центра» Л. Гудкова: «Наш российский человек не верит, что может жить иначе». (См.: *Костиков В*. Страна между Обломовым и Штольцем // Аргументы и факты.2007. № 5. С. 8).

[26] А. Тойнби одним из первых поднял проблему нравственной составляющей природы такого рода кризисов, акцентировав связь «душевной болезни» – именно так определяет Тойнби основную характеристику архаизации, базирующейся на сознании людей, протестующих «против традиции, закона, вкуса, совести, против общественного мнения» – и вызвавшего ее «социального распада». *Тойнби А*. Постижение истории. М., 1991. С. 416.

[27] *Герман А*. Игры с совестью // Аргументы и факты. 2005. № 49. С. 3.

[28] Комсомольская правда. 2006. № 150. С. 8.

опасность развития общества в целом по пути «иметь», но не «быть» на западном материале аналитически и гуманистически емко обозначил Э. Фромм своей знаменитой книгой[29]). При этом автор одного из самых востребованных, что тоже симптоматично, за последние годы кинематографических текстов (при всей художественной неровности фильма «Остров») нашел очень верные слова, касающиеся ценностных ориентиров того исторического выбора, перед которым стоит сейчас Россия. «Человек не рожден для того, чтобы осознавать себя как небольшое, но прибыльное предприятие, в которое он вкладывает деньги, что сам же и зарабатывает, – говорит он, – мир не состоит из стройных рядов менеджеров какого-нибудь рынка, которые победным маршем идут от успеха к успеху». Россия, «корчась в общих противоречиях, никак не осознает, к чему она идет. С одной стороны, ей хочется сохранить свои особенности, с другой – ей хочется быть как все. С третьей – очень много соблазнов вокруг» (одна из них озабоченность проблемой успеха – лузер ты или не лузер, какой марки твой мобильник и т.п. вещи)», но, продолжает Лунгин, **в ней всегда шла мощная духовная борьба, поиски смысла жизни, а потому здесь есть и основа для духовного обновления сродни тому, что принесло с собой в эпоху кризиса Римской империи христианство** (выделено мною. – *И.Н.*)[30].

Научная вариация этой же темы звучит в целом ряде работ серьезных исследователей, к примеру, в идее о том, что отсчет общественно-политической мысли и мышления XXI века начнется от «печки» под названием «опыт социал-демократии, китайских реформ и перестройки (в хронологическом порядке)». Мышление, пишет цитируемый автор, которое будет строиться не на членении опыта, а значит, не на противопоставлении одних идей другим, им противоположных, но на их интеграции, синтезе», предполагающем переосмысление **и груза ошибок первоначального накопления, и издержек развития как по пути общества потребления или массового общества, так и государственного социализма. При этом, уточняет автор, форма больше унаследует из своего национально-исторического багажа[31].**

Еще раз подчеркнем, что этот багаж ценен и силен прежде всего той своей составляющей, которая связана с нематериальным началом и выявляет особое интонирование проблем нравственно-духовного порядка, начиная от традиций русской культуры и заканчивая ментальным складом общества, даже нынешней деформированной его идентичности.

---

[29] *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1986.

[30] *Лунгин П.* Без стыда нет человека // Аргументы и факты. № 48. 2006. С. 3.

[31] См.: *Косолапов Н.А.* Что это было ? (Размышления о перестройке в свете ее когнитивных итогов) // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 19.

Вспоминая диагноз профессора Преображенского про разруху, которая начинается с головы, соотнося его с тем, как общество стало поднимать проблемы нравственно-духовного порядка, касаются ли они куршевельского скандала или же переосмысления роли лидерства России на международной арене, понимаешь, насколько эти нематериальные факторы являются системосозидающими. И в этом смысле делаемое предположение относительно возможного сценария нынешнего этапа российской модернизации отнюдь небеспредпосылочно, если говорить о собственно профессиональных основаниях, позволяющих как специфицировать данный этап применительно к России, так и определить роль той трансформации российской модели модернизации догоняющей (в данном контексте читай «отстающей») в модель принципиально нового типа, которая задаст новый вектор развитию общества, если перефразировать Фромма, в алгоритме не только «иметь», но прежде всего «быть».

Опорой для данного прогноза служат не только те существенные макроисторические закономерности, о которых шла речь выше, касающиеся оптимального соотношения индивидуально-личностного и общественно-государственного, корпоративного начал. При этом существенно важной составляющей действия данных факторов в нынешнем пространстве жизни цивилизации является отмечаемое многими серьезными исследователями и философами невообразимо возросшее влияние человеческого фактора **в виде рационального реагирования на вызовы истории и социально значимого целеполагания**. Подчеркнем, влияния, во многом вынужденного. «Частный и корыстный интерес уже теперь требует, – поясняет теоретически и расшифровывает на примерах конкретно-исторически эту мысль Л.М. Баткин, – …всеобщего равновесия и благополучия», «эгоизм принуждает к альтруизму»[32] .

---

[32] См.: *Баткин Л.М.* «Странная тюрьма исторической необходимости» // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. С. 73–77. Автору данных строк чрезвычайно важен тот посыл Л.М. Баткина макроисторического характера, который выглядит примерно так: в этой «странной тюрьме исторической необходимости» под названием история, условно делимой на историю Первую (читай – традиционную) и историю Вторую (модернизированную), набирающий обороты процесс рационализации существенным образом изменит саму роль человеческого целеполагания и выбора. В нынешних условиях системной всемирности, когда взаимозависимость обществ и цивилизаций чрезвычайно возросла, открытия, скажем молекулярной электроники, меняют жизнь человечества в масштабах горизонтали и вертикали несопоставимо с тем, как, скажем, Великая Французская революция или изобретение парового двигателя. Взаимозависимость в условиях глобализации заставляет составлять такие программы регулирования, которые несут мощный заряд вынужденной альтруистичности, что, собственно, дает основания надеяться, что ему суждено чем дальше, тем больше обретать в практике жизни черты «рутинности». К примеру,

Россия имеет для движения в данном направлении колоссальный ресурс. Ее интеллектуально-духовная традиция, сама являющаяся плодом диалога культур, – это тот багаж ментальных и культурных практик, которые могут помочь в выработке исторически уникальной и в то же время цивилизационно востребованной новой формы модернизированной социальности.

Отмеченный пласт факторов глобального свойства контаминируется с множеством разных внешне дискретных явлений, отмечаемых самыми разными в национальном и профессиональном плане исследователями. Вот лишь некоторые реперные точки этого набирающего силу процесса, которые, как мазки на старое полотно картины, наносит мастер под названием «история». Совсем еще недавно автор данного текста имел, как казалось еще год назад, все основания согласиться с оценками ряда политологов и публицистов, оценивающих современный политический ландшафт как пространство «усыхающей под натиском жиреющей бюрократии» демократии, как это нередко формулируется известными политологами и публицистами. В частности, казалась очевидной реактуализация на самых разных уровнях установок авторитарного властного сознания, укрепления властной вертикали в ее пусть специфических, но возвратно-архаических формах. Теперь этот вывод выглядит как, по меньшей мере, проблематичный. Очевидность эмбрионального характера многих процессов создания институтов гражданского общества не должна заслонять их динамику, которая четче вырисовывается в кросскультурном сопоставлении. Многообразные изменения самого разного свойства заставляют вспомнить уроки истории, о которых, кстати, еще на заре перестройки напоминал А. Ципко, говоря, что самая главная демократическая прививка сделана на уровне политической элиты. Отбросив определение «главная», с ним можно согласиться. Вспомним, что ранний абсолютизм в Англии (сам по себе являвшийся новой политической формой государственности), с его политикой протекционизма и меркантилизма, как видовых признаков начавшейся экономической модернизации, родился в ходе войны двух феодальных по своему происхождению элит – партий Алой и Белой Роз. Вспомним, что появившийся в эту же эпоху английский Парламент, воспринимаемый теперь как символ классической политической модернизации, высмеивался наиболее интеллектуально прозорливыми современниками. Будучи сам его членом, Дж. Чосер написал знаменитый в этом смысле текст («Птичий Парламент»).

ради устойчивости финансового рынка всемирные финансовые организации были вынуждены оказывать поддержку Мексике, Бразилии и «азиатским драконам» и т.д.

В этом контексте по-иному видится набирающий обороты в российском пространстве процесс политической конкурентной борьбы, который является залогом выстраивания алгоритма нового политического поведения и приращения демократической культуры на самых разных уровнях. Тренды этой динамики на событийном уровне многочисленны. С. Иванненков, оппонируя своему противнику в телеэфире (передача «К барьеру» в начале февраля 2007 г), рассказывает на всю страну, как Президент позвонил Г. Явлинскому вечером в день парламентских выборов и поздравил с победой, а утро показало, что результаты выборов, как это нередко бывало и ранее, оказались «измененными». Созданная сверху еще одна партия власти – «Справедливая Россия» – оказывается в достаточно жесткой оппозиции своей главной конкурентке, «Единой России». И хотя идеологически эти партии вряд ли являются силами, представляющими противоположные полюса политического спектра (впрочем, и в США республиканцы и демократы мало чем отличаются по принципиальным позициям), это не умаляет степени противоборства за место под политическим солнцем, особенно отчетливо проявившегося в ходе региональных выборов в местные парламенты 11 марта 2007 г. Отголоски данной борьбы, как представляется, видны и в деле А. Макарова, томского мэра, которому в декабре 2006 г. было предъявлено обвинение в злоупотреблении служебными полномочиями и пособничестве вымогательству. И хотя «политические уши» идущего судебного разбирательства очевидны (далеко не случайно, что Макаров так и не сумел выставить свою кандидатуру на выборы 11 марта), очевиден также и тот эффект от выявления самого факта коррупции (к сожалению, некорректно юридически доказываемого), который и способствует пусть медленной, но наработке иных модусов отправления власти.

Если транслировать эти явления в плоскость борьбы, воспринимаемой на уровне обыденного сознания, то очевидно, что она приняла характер процессов, разворачивающихся по экспоненте. Неслучайно, как верно заметил В. Костиков, «оборотней» в погонах, халатах и других профессиональных обличьях развелось несть числа. Казалось бы, это лишний раз подтверждает диагноз А. Германа о социальной проказе, о духовном недуге, глубоко поразившем наше общество, с которым трудно не согласиться. Но именно высокая степень интенсивности недовольства и связанной с ним борьбы является одним из важнейших условий и гарантом соответствующей рефлексии и преодоления этико-социальных и психологических барьеров на пути изживания данной болезни, модернизации основ жизни. Опять-таки небольшой штрих к портрету – на март 2007 г. 15 мэров различных российских городов на-

ходились под судом и следствием. Не следует забывать и о том, что мы живем в принципиально новом пространстве отсутствия информационных барьеров, что делает прозрачными действия всех агентов социального поля. Иными словами, можно предположить, что сам формат и накал политической борьбы, замешанной на конкуренции, будет способствовать оцивилизовыванию пространства самой социальной жизни. Именно поэтому ряд аналитиков предсказывает, что отставка М. Зурабова, ответственного за провал решения одной из наиболее важных социальных проблем, которые обещала разрешить власть, все-таки состоится и ее автором станет партия-конкурент «Справедливая Россия». Пусть это будет результатом пиар-технологии, с помощью которой по законам политического жанра ищутся голоса избирателей. Важно другое: чтобы сохранить доверие потенциального избирателя, необходимо будет не повторять зурабовского пути. Из подобного рода мутаций и возможно прорастание того нового формата общественно-политического конструирования, который, как выразился бы Г.П. Федотов, призван будет разрешить «трагедию взаимоотношений свободы и социальной справедливости».

Акцентируя важность демократической «прививки», сделанной на уровне поведения элит, следует особо оговорить такой важный момент, как новая стилистика диалога составляющих ее групп. С одной стороны, конкурентный градус борьбы партий будет выше в тех региональных центрах, где сама борьба локальных политэлит выше, что означает вынужденное углубление процесса демократизации политической жизни. С другой стороны, расклад сил на политическом Олимпе России таков, что уже сегодня очевидно, что в формирующейся политсистеме партии будут вынуждены учиться культуре поиска компромиссов.

Мы имеем возможность наблюдать, как меняется политическая активность самого общества и по части политического выбора. Вот лишь некоторые симптомы. Несмотря на новые поправки в избирательный закон (устранение графы «против всех» и порога явки) число пришедших к урнам в ходе состоявшихся 11 марта выборов в региональные парламенты 14 субъектов Федерации, которые многие рассматривают как генеральную репетицию будущих выборов в Государственную Думу, говорит о возросшем проценте желающих проголосовать. Может быть, более прозрачно отмеченный тренд углубления процесса демократизации показывают результаты соцопросов, проведенных журналом «Expert» в 32 регионах в марте этого года, которые показали, что рядовой россиянин сегодня оценивает влияние местной власти на качество его жизни выше, чем влияние региональных фигур[33]. Это осознание не

[33] www. expert.ru

может не сказаться на складывании новой политической культуры, укреплении дееспособности рядового гражданина как homo politicus.

Не вдаваясь в споры по поводу реальной возможности превращения экономики в сырьевую, сокращения в последние годы среднего класса, растущей пропасти между богатыми и остальными группами общества и пр. социально-экономическими трудностями, которые не только очевидны, но характеризуются специалистами как еще более обострившиеся за последний год, приведу данные, выявляющие чрезвычайно важные подвижки на ментальном уровне, которые парадоксальным образом высвечивают, как говорят экономисты, влияние позитивного экономического дрейфа последних лет. Впервые в этом году за последние 7 лет рождаемость в России превысила смертность. А по всем прогнозам демографов, рост народонаселения к 2011 г. составит 8–10 %[34]. Эта статистика коррелируется с результатами социологических исследований молодежи. Оказывается, при всей политической индифферентности молодежь сегодня, в отличие от возрастных групп старше 50, выстраивает долговременные жизненные сценарии. На языке социальной психологии это важнейший симптом преодоления социального кризиса идентичности, залог роста и в то же время свидетельство того, что на ментальном уровне эта группа быстрее сняла своим сознанием изменения позитивного порядка. Но именно эти возрастные группы и явятся авторами тех изменений в ближайшем будущем российской модернизации, о которых речь шла выше.

Формат текста не позволяет и далее разворачивать аргументацию в пользу выдвинутого тезиса о том, что на наших глазах история вносит новую редакционную правку в сценарий модернизации догоняющего типа и что полигоном этих процессов является именно Россия. Автор данного текста отдает отчет также в том, что обозначенный вектор возможной исторической динамики российских процессов текущей модернизации не приведет к идиллическому варианту царства всеобщего благоденствия. И тем не менее убеждена, что прогнозы русских мыслителей, начиная с Н.Я Данилевского, В.С. Соловьева и кончая евразийцами, о будущем российской цивилизации как «новой творческой эпохи», в рамках которой начнется новый виток разрешения «трагедии взаимоотношений свободы и социальной справедливости», станет реальностью наступившего столетия.

---

[34] Newsweek. 2007. № 135. С. 18.